ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ДОСТУПЕН ГЕНИЯ ГЛАГОЛ ПОЗНАНЬЮ ИСКРЕННИХ СЕРДЕЦ

(К истолкованию армянских мотивов в «Тазите»)

А.Б. АБГАРЯН
ЕГУЯСН В.Я. Брюсова

Статья посвящена освещению значения этнонима во фразе «Ты раб, ты трус, ты армянин!» из незавершенного «Тазита» А.С.Пушкина, продолжающей вызывать домысливания с подоплекой, искажающие авторское понимание. В статье с привлечением сведений из истории создания произведения и культурологического характера выявляется соответствующее действительности типизировано-окациональное употребление автором этнонима в смысле «купец».

Ключевые слова: А.С.Пушкин, «Тазит», этнографическая точность, арменофобия, купец, аталык, черкесогай.

**Ничто так не способствует межплеменной
розни, зависти и вражде, как невежество.
Альфонс Ламартин, 1790-1869**

Среди многочисленных творений А.С. Пушкина, очевидно, нет ни одной сходной с «Тазитом» поэмы, которая при простоте содержания вызывала бы столько интерпретаций относительно общего авторского замысла и элементов его проявления. И основную причину такого диссонанса и проблематичности, несмотря на определенную изученность (1) и продолжающиеся поиски тематических и текстуальных связей, истолкований доступного текста (включая 3 плана и черновики) и т. д., прежде всего следует усматривать в слабой освещенности предыстории и творческой лаборатории «Тазита». К числу насущных проблем необходимо отнести рассмотрение поэмы с позиций историко-этнографических, кавказоведческих, хотя давно подмечено учеными и подтверждается даже при по-верхностном сравнении опубликованных вариантов и планов поэмы, что авторские поправки в «Тазите» были нацелены на достижение этнографической точности (2). Поправки эти обнаруживают более основательную осведомленность Пушкина в данной области в сравнении с некоторыми его исследователями. Несомненно, для поэта важной частью творческого процесса явились не только беседы и личные наблюдения, но и изучение исторических и этнографических сочинений о черкесах и других народах Кавказа.

В этом, «этнографическом», аспекте особый интерес представляет употребление слова *армянин* в реплике кровожадного старца Гасуба, сгоряча

брошенной им в лицо сыну, в иерархии неистовых проклятий, несколько пространных для многое повидавшего горца:

И стал Гасуб чернее ночи
 И сыну грозно возопил:
 «Поди ты прочь – ты мне не сын,
 Ты не чеченец – ты старуха,
 Ты трус, ты раб, ты армянин!
 Будь проклят мной! поди – чтоб
 слуха
 Никто о робком не имел,
 Чтоб вечно ждал ты грозной
 встречи,
 Чтоб мертвый брат тебе на плечи

Окровавленной кошкой сел
 И к бездне гнал тебя нещадно,
 Чтоб ты, как раненый олень,
 Бежал, тоскуя безотрадно,
 Чтоб дети русских деревень
 Тебя веревкою поймали
 И как волчонка затерзали,
 Чтоб ты... Беги... беги скорей,
 Не оскверняй моих очей!»
 [21: 77-78]

Речь – об этнониме, который в пределах стилистической градации приобрел негативно-ругательное содержание и вызвал столь непримиримые, диаметрально противоположные трактовки.

Сторонников одной точки зрения можно условно назвать армянофобами. Игнорируя авторское обрамление прямой речи кавычками, они (в противовес содержанию) свое недопонимание и домыслы навязывают А.С. Пушкину и уже под его эгидой пытаются навесить неодобрительный ярлык на всех армян. Однако приверженцев подобного, лишённого логики умышленного утрирования довольно просто отослать к получившему признание у пушкинистов мнению Д.Д. Благого о том, что «Тазит» – единственная пушкинская поэма, в которой, как и в произведениях повествовательного устного народного творчества, нет авторского голоса, авторских суждений, высказываний, оценок, в которой автор, в сущности, выступает в роли сказителя», и здесь Пушкин, по своему определению, не преминул быть «беспристрастным, как судьба» [3: 376, 379].

Другие критики, армянофилы, сведущие в предрасположенности А.С.Пушкина к армянам и Армении, но также отделившиеся от содержания поэмы и, быть может, спутавшие замысел с воплощением, употребление этнонима пробуют объяснить тем, что поэт якобы подразумевал нацию, проповедующую исключительно «гуманистические ценности и христианские идеалы», основные добродетели которой – «кротость и смирение», и что в первоначальных списках вместо *армянин* будто бы стояло слово *христианин* [20; 27]. Трудно сказать, на базе каких остающихся неизвестными рукописей «Тазита» сделаны такие выводы, но в опубликованных в 16-томном «Полном собрании сочинений» А.С. Пушкина вариантах поэмы это утверждение не находит подтверждения. При этом упускается из виду и то, что в «Тазите» из христианских народов, наряду с армянами, упомянуты также русские и грузины, и в этом плане исключительная принадлежность указанного смысла в поэме требует более обоснованных доказательств. Помимо того, в европейских сочинениях с мусульманским колоритом в

значении «презрительное название магометанами человека другой веры» более принято использовать слова неверный, собака (пес) и *гяур*, последнее из которых частотно для поэтического творчества А.С. Пушкина (см., например, «Бахчисарайский фантан», «Евгений Онегин», «Стамбул гяуры нынче славят» {3} и др. [23: 3675]). Ср. с известной в пушкинской среде поэмой «Гяур» Джорджа Гордона Байрона /1813/.

Несложно также заметить, что пренебрежение полемистов содержанием проявляется и в умолчании информации о более раннем упоминании армянина в поэме, хотя связь обоих употреблений бесспорна. Как известно, незамысловатая фабула «Тазита» заключается в том, что в день похорон старшего сына Гасуба аталык («воспитатель, дядька») возвращает в родную семью младшего сына, чтобы он стал кровомстителем и опорой отцу. Однако Тазит по черкесским (и шире – по кавказским) понятиям не оправдывает чаяний родителя и в трех отдельных эпизодах {4} (во встречах с купцом, с рабом и с убийцей брата) проявляет, как полагал отец, непристойную робость (5). В поэме первый инцидент представлен в виде немногословного диалога, в котором отец обвиняет сына в том, что тот «не отважился» на ограбление одинокого купца:

О т е ц. А не видал ли ты грузин Иль русских?	О т е ц. Зачем нечаянным ударом Не вздумал ты сразить его
С ы н. Видел я, с товаром Тифлиской ехал армянин.	И не прыгнул к нему с утеса? – Потупил очи сын черкеса,
О т е ц. Он был со стражей?	Не отвечая ничего. [21: 74]
С ы н. Нет, один.	

Указание на то, что под словом *армянин* следует понимать исключительно «купца», подтверждается и предшествующим в тексте словом *товар*. Иными словами, как отмечает Д.Д.Благой, «встретив на утесистом берегу Терека, столь удобном для внезапных коварных нападений, тифлиского купца-армянина, ехавшего с товаром в одиночку, без стражи, Тазит не прыгнул к нему с утеса, не «сразил» «нечаянным ударом» и не завладел его добром, чего, как само собой разумеющегося, естественного, ожидал Гасуб» [3: 381].

Однако анализ «Тазита», построенный исключительно на строчках, где упоминается армянин-купец, останется незавершенным, если обойти вниманием изменения в составленных к поэме трех вариантах плана, обнаруженных среди черновиков поэмы и более полно раскрывающих замыслы автора:

I) Обряд похорон; Уздень и меньший сын; I день – лань – почта, грузинский купец; II – орел, казак; III – отец гонит его; Юноша и монах; Любовь, отвергнутый; Битва – монах.
II) Похороны; [Три дня] Черкес хри<стианин>; Купец; [Казак] раб; Убийца; Изгнание <?>; Любовь; Сватовство; Отказ; [Священник] Миссионер; Война; Сраженье; Смерть; Эпилог.

III) Похороны; Черк.<ес> хр.<истианин>; Куп.<ец>; Раб; Убийца; Изгнание; Любовь [21: 336-337].

Среди этих вариантов особенно примечателен первый план, где купец в составе почтового обоза именовался грузинским, а позднее в белой рукописи конкретизирован семантически близким определением *тифлисской*. При этом подчеркивается, что купец этот был без охраны (ср. с эволюцией образа казака по вариантам плана). В этой и некоторых других поправках можно усмотреть авторскую типизацию характерного для Кавказа XIX в. быта, требующую исторических и этнографических пояснений.

Во-первых, исследователи неоднократно отмечали, что многие народы Кавказа (а также Передней и Средней Азии, включая исповедующих христианскую веру) воровство и разбой почитали за удаливость, за героизм и чуть ли не жизненную необходимость, за догмат, санкционированный авторитетом родителей, старших и языческими пережитками. Не случайно многие народности Кавказа даже имели специального кумира для молитв о ниспослании удачи в краже: например, у адыгов он именовался *Зейгутх* и был богом покровителем наездников, которого призывают на помощь перед набегами и дальними наездами. Сметливость при затруднениях и воровская находчивость составляли традиционное воззрение таких сообществ. Дети воспитывались на сказаниях, восхвалявших смелость, решительность, храбрость и удаливость при грабеже и захвате чужого добра. При «благоприятном» исходе этим одинаково восторгались и признавали за дозволенное ремесло все, независимо от пола, возраста и социального положения: женщины и дети, князя и рабы. По этой причине в обязанности аталыка вменялось научить воспитанника красть и угонять чужой скот, не будучи уличенным [см. также: 8: 142-149; 28: 29-37]. Вот почему в поэме отец недоволен Тазитом и пребывает в сомнительных раздумьях: «Где ж, – мыслит он, – в нем плод наук, || Отважность, хитрость и проворство, || Лукавый ум и сила рук? ...|| Иль обманул меня старик?» Во время разбоя бывали случаи, что одинокого путника или купца пленяли с целью дальнейшего выкупа родственниками. Однако в цели разбоя никогда не входило умерщвление владельца добра из-за опасения неминуемого кровомщения, которое играло такую видную, определяющую и вместе с тем роковую роль в сознании и быту горцев {6}. И лишь в исключительных случаях разбойник мог лишить жизни оказавшего сопротивление. Именно исходя из таких соображений можно объяснить авторский выбор инфинитива в строчке «не вздумал ты сразить его» (в «Словаре языка Пушкина» этот глагол пояснен как «свалить, повергнуть ударом» и лишь затем «убить») вместо раннего варианта разубить исключительно в значении «убить, разубив, разделив надвое, на части» [21: 368].

Во-вторых, требует уточнения и семантическое наполнение слова *купец*. Былой образ почтенного купца, обязанного быть готовым к опасности как неотъемлемой стороне его профессии, к риску, к угрозе его жизни и богатству в дальних путешествиях от нападения разбойников и конкури-

рующих купцов, позднее модифицировался. От европейского торговца уже не ожидают рыцарских доблестей, и формированию такого образа способствовали и известные со средних веков многочисленные «купеческие» поучения и мемуары: в них утверждалось, что купцу надлежит быть миролюбивым и сдержанным. А в «Королевском зеркале» /XIII в./ молодого норвежского купца даже наставляют: «если же обстоятельства принуждают тебя к столкновению с противником, не спеши с мстью, но тщательно все рассчитай и действуй наверняка» [цит. по: 7: 97-131].

Новый менталитет в оценке человеческих достоинств характеризует и купцов XIX в. В глазах такого купца оружие, воинственность и набеги давно потеряли первоначальную значимость, а реальными условиями обогащения стали деньги и коммерческая предприимчивость. Игнорируя адаты, он ценит человека уже не за мужество и решительность в набегах и не по количеству рабов. Поэтому естественна ответная реакция горца. И его пренебрежительное отношение к торговцу вызвано не только недоброжелательством и завистью: серьезные сомнения внушают добропорядочность и добросовестность последнего. Вот почему среди горцев торговля признавалась унизительным занятием и они свои продукты натурального производства отдавали этим барышникам. Позднее чересчур негативное отношение к этому бизнесу было преодолено, и уже во второй половине XIX в. среди дельцов стали многочисленнее и представители горских народов Кавказа. Однако присущая европейским и персидским торговцам нерешительность, неготовность к активной защите своих интересов (7), в экстремальных условиях, где государство еще не в состоянии обеспечить безопасность, была несвойственна кавказским торговцам. Здесь купец заблаговременно обеспечивал себя поддержкой настоящих или нанятых (платных) кунаков и патронов, чаще всего из узденей-дворян и влиятельных князей. Последние не чуждались такого покровительства, поскольку захваченные ими в результате набегов невольники и товары для дальнейшей перепродажи (в Турцию) передавались доверенному купцу. Впрочем, и сам он должен был уметь постоять за себя и свой товар. Предположительно, таким купец мыслился и самому автору. Не случайно в сохранившихся черновиках в ответ на неудачное сватовство Тазита отец возлюбленной выговаривает:

Ты мой рассудок искушаешь,
Иль испытую, иль шутя...
Какой безумец, сам ты знаешь,
Отдаст любимое дитя

Тому, кто в бой вступить не смеет,

Кто робок даже пред рабом,
Кто мстить за брата не умеет,
Кто изгнан и проклят отцом?
Ступай, оставь меня в покое!

[21: 365-366].

Нетрудно заметить, что обоснование отказа также построено на перечислении трех происшествий. Ср. с проклятием Гасуба, где строчка-обвинение является инверсным отражением тех же трех эпизодов: ты трус, ибо пощадил братоубийцу, ты стал рабом, ибо упустил раба, ты стал армянином, ибо не захватил его товар. Об этом свидетельствует и слово раб, ко-

торым было заменено первоначальное более бранное *пес* [21:354]. А слово *бой* во фразе подразумевает противостояние, борьбу, дополняя смысловое наполнение образа армянина, ибо (очевидно, и в соответствии с житейским опытом старца-черкеса), даже одинокий купец по доброй воле, без схватки товар не отдаст.

В-третьих, вспомним, что полный опасностей кавказский и закавказский торг на протяжении по крайней мере XVIII-XIX вв. находился преимущественно в ведении армянских торговцев. Об этом сохранились свидетельства упомянутого выше И.А. Гильденштедта [6:25, 105, 138, 143 и пр.], некоего Ф.Ф.Засса, сочинение которого /1805/ называют едва ли не первым в России исследованием о Кавказе и ошибочно приписывают его переводчику с французского, лингвисту Я.Лангену [11:59] и др. На превалирование армян среди кавказских купцов обращал внимание и директор Азиатского департамента МИД, позднее Феодосийский губернатор, историк Кавказа С.М. Броневский /1763-1830/ [5:25], двухтомное исследование которого «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и дополненные» /1823/ в разрезанном (т.е. читанном) виде было в личной библиотеке А.С. Пушкина (8). Доминирование армян на Кавказе и в Закавказье на фоне немногочисленных торговцев других национальностей (греков, русских, евреев, турок, грузин, осетин, кавказских татар и пр.) подтверждается также многочисленными статистическими сборниками второй половины XIX столетия и мемуарами других русских путешественников: «Картина Кавказского края» П.П. Зубова в четырех книгах /1834-1835/, «Двадцать пять лет на Кавказе» А.Л. Зиссермана в двух кн. /1879/, «Кавказ и Закавказье» В.П.Желиховской /1885/ и др. Кавказская торговля была столь монополизирована армянами, что, по свидетельству очевидцев, здесь даже персидские купцы вели свою оптовую торговлю через армян-посредников, а все остальные занимались мелкой торговлей (9). Такая ее концентрация в руках армян явилась результатом не столько устранения конкурентов, сколько следствием сложившейся традиции. Царская политика переселения армян в Русское государство и особые привилегии способствовали привлечению сюда и армянских коммерсантов. Именно они, о чем в российских архивах сохранилось немало документов, и заполнили тот изъян в восточной торговле России, от которой из-за больших опасностей и убытков добровольно отказывались собственно русские купцы. И эти факты являются несомненным свидетельством купеческой отваги армян.

В-четвертых, важнейшим центром армянского сосредоточения был город Тифлис, в котором во времена поэта и значительно позднее они по численности доминировали над жителями других национальностей. Как констатировал русский писатель-путешественник, литературный критик и этнограф Е.Л.Марков, «в Тифлисе армян всегда было значительно больше, чем хозяев-грузин. Турнефор в 1803 году насчитывал в Тифлисе 14000 армян всего на 2000 грузин и 3000 мусульман. При Ермолове, в 1835 году, по сви-

детельству кавалера Гамбы, на 15 тыс. армян в Тифлисе приходится всего 9 тыс. грузин. Да и теперь, по переписи 1879 г. армян в Тифлисе считается свыше 37000 душ обоего пола, а грузин всего только свыше 21000 душ» [17:297; ср.: 147]. Ср. с данными при описании Тифлиса в «Путешествии в Арзрум».

Небезынтересно также, что анализируемая строчка-порицание Гасуба сама по себе построена в виде нисходящей градации, ибо значимость провинностей героя можно определить по реакции отца: если на эпизод с купцом ответная реакция ограничена простым упреком старца, то второй случай, исходя из авторских слов, вызвал его сильное недовольство («Гасуб нахмурился в молчанье, // Но скрыл свое негодованье»). А третьим, самым тяжким нарушением выведено неотмщение за кровь: «И стал Гасуб чернее ночи //И сыну грозно возопил» [21:77]. Следовательно, быть купцом – не самое оскорбительное из гасубовских проклятий по сравнению с трусом и рабом. К слову, известная с библейских времен максима «подобное рождает подобное» получает в «Газите» совершенно новое наполнение. В истолковании А.С.Пушкина она распространяется не только на активную личность, но применена к герою как к инертной, пассивной особе: ты трус, ибо испугался, ты раб, ибо не вернул раба, ты торгош, так как не напал на него (10).

Наконец, как типичный представитель адыгов, Гасуб не мог не ведать, что в Черкесии на протяжении несколько сотен лет существовала национальная община адыго-армян (ермэлхэр, черкесогаев, черкесармян, черкесских или горских армян, в русских источниках обычно именуемых закубанскими армянами), сохранявших определенные черты национально-культурной самобытности вплоть до XX в. Переняв у адыгов их язык, нравы, обычаи и основные элементы материальной культуры, армяне, однако, сохранили свое этническое самосознание и армяно-григорианскую веру. Сосредоточив в своих руках почти всю торговлю (включая самый прибыльный торг рабами-ясырями) закубанского края, они заняли своеобразную экономическую нишу, на которую никто больше не смел претендовать. Среди горских армян были также распространены ремесло и скотоводство.

Черкесогаи были довольно состоятельными и находились в весьма привилегированном положении. Многие из них удостоились титула «уздень (2) первой степени», близкого к статусу адыгских дворян, что давало им право держать крестьян и ясырей. Как известно, к этому адыго-армяне подходили избирательно, держа рабов исключительно из горцев нехристианской веры. Добрые взаимоотношения между армянами и черкесскими князьями выражались и в обычае одаривать при посещении последних подарками-пешкешами, в дозволении жениться на черкешенках благородного происхождения, непременно крестившихся после замужества. Как отмечал первый русский бытописатель черкес-армян И. Иванов /1853/, за свою храбрость, мудрость, беспристрастность и непревзойденную дипломатичность они пользовались правом наравне с черкесами, даже когда те превратились в истых и фанатичных магометан, заседать в черкесском народном суде. За

особое вознаграждение черкесогаи нередко выбирались посредниками во время кровной мести, в разрешении интимных и щекотливых дел [13].

Одним из заимствованных черкесогаями обычаев было аталычество. Армяне-христиане считались лучшими аталыками для черкесских мальчиков и даже девочек благородного происхождения, так как, во-первых, они были нередко богаче, чем сами князья и уздени, имели возможность лучше обеспечивать, следить за здоровьем и поведением воспитанника, а во-вторых, у них поощрялось образование [подробнее см.: 28: 33-39]. По свидетельству информантов исследователя Ф.А.Щербины, князь Джембулат Болотоков состоял в аталыческой связи с армянской семьей, поэтому он считался покровителем всего армянского аула Гяур-хабль, расположенного в землях темиргоевцев и абадзехов, на левом берегу реки Белой. Кровная месть-канла (в отличие от скрытых подстереганий под покровом ночи, внезапных нападений и засады у горцев) армянами осуществлялась более открыто и выглядела чем-то вроде рыцарского поединка: при первой встрече кровники слезали с лошадей и первый выстрел принадлежал оскорбленному [28:37].

Кстати, не проявлением ли такого рыцарства можно считать пощадку супостата Тазитом, которую он оправдывает словами: «Сын. Убийца был || Один, изранен, безоружен...»?

Таким образом, отмечаемая вслед за П.В.Анненковым многими исследователями «верность характеру местности и нравственным типам края» [1] позволила автору «Тазита» в качестве типичного кавказского купца вывести армянина, недовольство горцев которым отчасти объяснялось и эксплуатацией местного населения, нередко попадавшего в кабальную зависимость от богатых армянских ростовщиков и коммерсантов. Вместе с военной, административной, ремесленной и др., торгово-экономическая деятельность армян в России выявляет иную грань в дарованиях народа, превосходно известного А.С.Пушкину. К слову, типизированность в таком этническом соотношении купеческой деятельности подтверждается чуть позднее и программным стихотворением «Поэт» М.Ю.Лермонтова /1838/, где без всякого ущерба для рифмы вместо слова армянина могло бы стоять осетина, у грузина и пр:

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал, —
Наследье бранного востока.

<... >

Он взят за Терекот отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Наша точка зрения не нова. Такая трактовка этнонима в поэме, высказанная мимоходом в середине прошлого столетия Н. Г. Джусоевым (Джусойты) в связи с исследованием творчества осетинского поэта и просветителя Коста Хетагурова /1859-1906/ и процитированная упомянутым Г. Турчаниновым, к сожалению, осталась незамеченной: «Слово «армянин» в устах Гасуба вовсе не определяет национальную принадлежность человека; им обозначена совокупность тех понятий и норм поведения, которые составляют моральный кодекс купца, торгующего товаром. Эти понятия и нормы человеческого поведения полностью отрицают то, что Гасуб считал «святым и безусловно истинным», т.е. «чеченскую мораль», так как у купца совершенно другое мерило в оценке человеческого достоинства» [9: 48-49].

В пределах культурологического аспекта, связанного с проблемой взаимодействия Запада и Востока в поэме, можно выделить еще одно направление, вызывавшее особый интерес исследователей. По мнению литературоведов, основополагающей идеей «Тазита» является противопоставление христианского и мусульманского миров. В этом плане в творческой лаборатории "Тазита" не менее интересна замена раздела "узденъ и младший сын" из первого плана на "черкес-христианин" во втором и третьем. Такое переименование раздела позволило некоторым исследователям (П.В. Анненкову, В.Л. Комаровичу, В.И. Коровину и др.) под христианином усматривать якобы исключительно главного героя и мотивировку его поведения. Оказавшись под сильным воздействием не текста, а своих домыслов, они полагали, что молодой герой по вероисповеданию христианин и находится в конфликте с мусульманской этнической средой. По их недостаточно обоснованному мнению, «Тазит был уже христианином еще в ауле своего отца» и «вся драма должна была объясниться и закончиться христианством» [1: 213-214; 15]. Крайнее мнение высказывает по этому вопросу Г. Турчанинов, полагая, что пункт «Черкес-христианин» Пушкиным не был реализован и представлен только в предварительном плане поэмы, поскольку в черкесской жизни того времени христианство как явление было совершенно невозможным. Однако с этим нельзя согласиться ни по соображениям текстологического порядка, ни по существу. В плане ко всей поэме (см. второй план) Пушкин зачеркнул, очевидно, как выполненные им, первые семь пунктов, в том числе и пункт «Черкес-христианин». Мало того, он снова внес его в последний – третий – план поэмы, состоящий исключительно из выполненных пунктов. «Христианство» Тазита находит опровержение и в доводах Д.Д. Благого, которые, будучи адресованы В.Л. Комаровичу, касаются всех этих исследователей. Они совсем упустили из виду роль, которую, несомненно, сыграл в формировании характера и становлении морального облика Тазита его аталык-воспитатель, и, следовательно, более правы Н.О. Лернер и др., полагавшие, что анализируемый пункт плана характеризует воспитателя [16]. Новые черты в Тазите не могли сформироваться произвольно, без ведома аталыка. И, по словам Д.Д. Благого, «его наставник, конечно, не мог бы их не заметить, а

если бы он мыслил и чувствовал, как Гасуб, он, безусловно, постарался бы подавить, искоренить их. Если же это не удалось бы, не стал бы он говорить отцу Тазита, что успешно выполнил его поручение. «Иль обманул меня старик?» – задает себе вопрос Гасуб, со все нарастающим беспокойством приглядываясь к Тазиту. Но в изображении Пушкина этот «важный и спокойный» старик-наставник на обманщика явно непохож. Таким образом, - заключает цитируемый литературовед, - несомненно, что Тазит сделался таким, каким он предстал перед своим отцом, не только в силу врожденных склонностей своей «природы», а и в результате воспитания» [3: 389-390].

Вместе с тем, наша точка зрения расходится с утверждением Д.Д.Благого о якобы сохранении реликтового христианства среди черкесов и о том, что под столь импозантным седовласым старцем-патриархом, наставником Тазита поэт будто бы понимал одного из адыгов, исповедовавших ислам, но сохранивших много христианских обычаев [5:391]. В реальности почти тысячелетнее полухристианство у черкесов с XVI века стало замещаться магометанством, порой насильно насаждавшимся многочисленными турецкими эмиссарами и проповедниками, и уже в первой половине следующего столетия ислам стал доминировать среди черкесов. А в 1830 году известный Пушкину адыгейский князь Султан Хан-Гирей /1808-1842/ констатировал, что для черкесских племен единственное вероисповедание – магометанство суннитского толка и беспокойный образ жизни этих племен – «причина тому, что они слабо исполняют обряды, сею религией предписываемые, хотя и многие из них готовы отдать жизнь за малейшее оскорбление своего исповедания». По этой причине полагаем, что под пушкинским черкесом-христианином надлежит понимать именно представителя черкесогайской общины, аталычество которого, исходя из сказанного несколько ранее, поможет внести ясность в нетрадиционное и несуразное по черкесским меркам поведение Тазита во всех эпизодах, включая встречу с отцом возлюбленной.

Подводя итог изложенному, можно с уверенностью констатировать, что привитые рутиной, невежеством, злобой и дурно направленным национальным инстинктом ксенофобия и расизм, межплеменные предрассудки и вражда, к несчастью, «нелегко поддаются влиянию просвещения, действию слова и убеждения». Вследствие этого, пока эмоции ослепляют разум армянофобов (в преобладающем большинстве азербайджанцев) и лишают их способности рассуждать и правильно воспринимать окружающее, наши изыскания едва ли уймут распрю, но, быть может, сделают адекватнее самооценку критиканов-армян, свои инсинуации также аргументирующих анализируемой строкой. Как здесь для первых не вспомнить притчу о сучке и бревне из Нагорной проповеди Иисуса Христа, тем более, что сегодня для России преимущественно характерна базарная торговля этих соседей. К тому же, учитывая обстоятельство, что вплоть до 20-х годов прошлого столетия азербайджанцев называли (кавказскими) татарами, можно повторить

знаменитую пушкинскую эпиграмму «На Булгарина» (1830 г.), где представленная в двух эпиграммах восходящая градация (в одной – лях, татарин, жид, а в другой – цыган) как бы выстраивает истинную картину русского недовольства инородцами времен А.С.Пушкина:

Не то беда, что ты поляк:	И тут не вижу я стыда;
Мицкевич лях, Костюшко лях!	Будь жид – и это не беда;
Пожалуй, будь себе татарин, -	Беда, что ты Видок Фиглярин.

Примечания

1. На фоне статей, освещающих отдельные вопросы произведения [1; 3; 4; 16; 18; 19; 22; 25; 26], более детализированы работы В.Л. Комаровича и Г.Ф. Турчанинова [15; 24].
2. Как известно, А.С. Пушкин приступил к работе над новой кавказской поэмой о Тазите после своей южной поездки в 1829 году. Несмотря на неоднократное редактирование, так и незаглавленная автором поэма осталась незавершенной (возможно, в сопоставлении с замыслами) и была опубликована редактором после смерти поэта в 1837 году в VII томе «Современника». Одновременно свои путевые заметки А.С.Пушкин изложил в «Путешествии в Арзрум», обращая особое внимание на отражение социального и этнографического бытия горцев. И это этнографическое сходство содержания (а в ряде случаев в путевых заметках можно найти как бы прозаические комментарии к поэме) определяет сродство обоих произведений. Родственность обоих сочинений подкрепляется также и сохранившейся авторской черновой тетрадью, где первый набросок поэмы соседствует с первоначальной редакцией «Путешествия».
3. Кстати, данное стихотворение, именованное автором якобы началом сатирической поэмы некоего янычара, впервые увидело свет в то же самое время в составе «Путешествия в Арзрум».
4. Давно подмечено, что в духе реалистически-народного наполнения вся композиция поэмы опирается на характерный для народного фольклора прием тройственного повторения. Так, например, основное содержание разбито звездочками на три составляющие-эпизоды с непременно повторяющимся в вариации композиционным зачином: в первый выезд «Тазит из табуна выводит || Коня, любимца своего. || Два дня в ауле нет его, || На третий он домой приходит», а во второй и третий раз «Тазит опять коня седлает, || Два дня, две ночи пропадает, || Потом является домой» [21: 74-76]. В соответствии с правилами гостеприимства Гасуб «три дня, три ночи с кунаками || его (аталыка – А.А.) он хочет угощать» [21: 73]. В другом месте «Тазита трижды он позвал», когда голос крови –отцовской любви к сыну, – пробился сквозь ярость, ненависть, презрение, заполнившие до краев душу Гасуба, и мн. др.
5. В черновых набросках сюжет поэмы продвинул несколько далее: это – отклонение отцом невесты просьбы Тазита и несколько набросков, говорящих о горьком одиночестве юного горца.
6. Русские именовали горцами почти всех кавказцев, что было подмечено еще академиком И.А. Гюльденштедтом /1745-1781/, совершившим путеше-

стве по Кавказу и Грузии: «Сколь ни различны сии народы, по причине их общего обитания на Северном Кавказе, россияне их называют горцами» [6: 135].

7. Об этом свидетельствует сатирический авантюрный роман о сыне брадобрея, торгаше, плуте и пройдохе «Похождения Хаджи-Бабы из Исфагана» /1824/ британского дипломата, шпиона и знатока Востока Джемса Юстиниана Мориера /1780-1849/. Эту достоверную картину персидских нравов с чисто английским юмором на русский язык перевел хорошо знакомый Пушкину лингвист-востоковед Осип Сенковский - знаменитый Барон Брамбеус под названием «Похождения Мирзы Хаджи-Бабы Исфагани в Персии и Турции, или Персидский Жилблаз» (вольный перевод Барона Брамбеуса. - СПб. 1831)

8. К слову, в аналогичном читанном виде (из 464 страниц разрезаны 264) в библиотеке имеются и “Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году” (М., 1829) некоего Н.Н, увидевшие свет перед самой поездкой Пушкина на Кавказ.

9. О торгово-экономической деятельности армян в Терском бассейне и других районах Северного Кавказа в XVIII - начале XX вв. см. исследования А.Е. Тер-Саркисянца «Армяне: история, этнокультурные традиции» (М.,1998), «История и культура армянского народа» (М., 2005), Р.З.Багдасаряна [2] и мн. др.

10. Очевидно, раннее ее проявление отражено в седьмом изречении из «Евангелия от Фомы», которое надобно читать: «Иисус сказал: Блажен тот лев, которого съест человек, и лев станет человеком. И проклят тот человек, которого съест лев, и человек станет львом» [10: 219 - 262].

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненков П.В. А.С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. СПб., 1873. С. 217-220.
2. Багдасарян Р.З. Торгово-экономическая деятельность армянского купечества на Тереке (XVIII-начало XXвв.) // [http://raber.asj-oa.am/858/1/2001-2\(46\).pdf](http://raber.asj-oa.am/858/1/2001-2(46).pdf)
3. Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1826-1830). М., 1967. С. 376-398.
4. Бонди С. Новые страницы Пушкина. М., 1931. С. 59-73.
5. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1-2.
6. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия академика Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам в 1770, 1771, 1772 и 1773 гг. СПб., 1809.
7. Гуревич А.Я. Средневековый купец// Одиссей. Человек в истории: Личность и общество. М.,1990. С.97-131.
8. Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М.,1846.
9. Джусойты Н. Г. Тема Кавказа в русской литературе и в творчестве Коста Хетагурова. Сталинир (Цхинвали), 1955.
10. Евангелие от Фомы //Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии.М., 1989. С. 219-262.
11. Засс Ф. Ф. Описание Кавказа с кратким историческим описанием Грузии. СПб., 1805.
12. Иванов И. Современное состояние Армавира// Кавказ. Тифлис, 1853. № 34
13. Кагаров Е.Г. Этнографические мотивы в поэзии А. С. Пушкина// Советская этнография, 1937, № 1. С. 52-56.
14. Капцева Н. Кавказ в русской поэзии первой половины XIX века//Литературный Дагестан. Махачкала, 1947. С. 206-208.
15. Комарович В.Л. Вторая кавказская поэма Пушкина// Пушкин. Временник пушкинской комиссии. М.-Л., 1941, вып. 6. С. 211-234.
16. Лернер Н.О. Примечания к стихотворениям А.С. Пушкина //Пушкин, т. VI. «Библиотека великих писателей». - Пгр., 1915. -С. 457-460.

17. *Марков Е.Л.* Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб.-М., 1887.
18. *Николаев М.* Пушкин и Кабарда // Кабарда. Литературно-художественный альманах Союза советских писателей Кабардинской АССР. Нальчик, 1950, кн. III. С. 228-232.
19. *Османова З.Г.* О «Тазите» А.С. Пушкина//Уч. зап. Кабардинского научно-исследовательского института, 1957, т. XI. С.425-427.
20. *Папаян Р.* Размышления вокруг одной пушкинской строки//Голос Армении. 23.07. 2009. № 142.
21. *Пушкин А.С.* Поэмы, 1825-1833: «Тазит» // Он же. ПСС. 1837-1937. В 16 т. М.-Л., 1948, т. 5.
22. *Семенов Л.П.* Пушкин на Кавказе//Известия Северо-кавказского педагогического института, 1937, т. XIII. С. 33-62.
23. Словарь языка Пушкина: в 4 т. - 2-е изд., доп. М., 2000.
24. *Турчанинов Г.* К изучению поэмы Пушкина //Русская литература. 1962, вып.1. С.38-54.
25. *Фрадкин И.* «Тазит»// «Литературное обозрение», 1937, № 1. С. 61-64.
26. *Цейтлин А.* Мастерство Пушкина. М., 1938. С.77-79.
27. *Шуваева-Петросян Е.* «Ты трус, ты раб, ты армянин...» или: Пушкин - невольный «сообщник» азербайджанца? // http://karabah88.ru/react/elena/02_trus_rab.html
28. *Щербина Ф.А.* История Армавира и черкессогаев. Екатеринодар, 1916.

**ONLY SINCERE PEOPLE GET THE WISE WORD OF THE GENIUS
(The interpretations of the Armenian motifs in «Tazit»)**

**A.B. Abgaryan
YSLU after V.Brusov**

This article casts light on the meaning of the ethnonym in the phrase "You are a slave, you are a coward, you are Armenian!" in Pushkin’s unfinished work «Tazit» continuing to evoke distorting implications about the author’s perception. Taking into account the knowledge about the creation of the work and its cultural value, the article reveals the author’s use of the ethnonym in its up-to-date typicalized-occasional meaning of “a merchant”. Moreover, the historical and ethnographic data prove of the fact that Tazit’s chivalrous character is due to his educator who is a member of the Circassian Armenian community.

Keywords: *A.S. Pushkin, “Tazit”, ethnographical accuracy, Armenophobia, merchant, educator, Circassian Armenian.*

**ԱՆԿԵՂԾ ՄԱՐԴԿԱՆՑ Է ՄԱՏՉԵԼԻ ՀԱՆՃԱՐԻ ԽՈՍՔՆ ԻՄԱՍՏՈՒՆ
(Հայկական մոտիվների մեկնաբանությունը «Տազիտում»)**

**Ա.Բ. Աբգարյան
Վ.Բրյուսովի անվան ԵՊԼՀ**

Սույն հոդվածը լուսաբանում է Ա.Ս. Պուշկինի անավարտ «Տազիտ» ստեղծագործությունում «Հեռացի՛ր, դու իմ որդին չես: Դու չե՛ցն՛ չես, դու մի պառա՛վ ես, դու վախկոտ ես, ստոր՛վ ես, դու Հա՛յ ես՝. Անիծյա՛լ լինես...» արտահայտության էթնանվան իմաստը, որը շարունակում է առաջացնել հեղինակի ըմբռնումը խեղաթյուրող ենթադրություններ: Հողվածում բացահայտվում է հեղինակի կողմից սույն էթնանվան տիպականացված-դիպլոմատիկ օգտագործումը իրականությանը համապատասխանող «վաճառական» իմաստով՝ հաշվի առնելով երկի ստեղծման պատմության մանրամասները և մշակութաբանական տեղեկատվությունը: Բացի այդ, պատմաազգագրական տվյալներից պարզ է դառնում, որ Տազիտի ասպետական բնավորության դաստիարակը չէրքեսահայ համայնքի ներկայացուցիչն է:

Առանցքային բառեր. Ա.Ս. Պուշկին, «Տազիտ», վաճառական, ազգագրական ճշգրտություն, հայատյացություն, դաստիարակ, չէրքեգահայ: